

Учебники «Родное слово» и «Живое слово»: сопоставительный обзор

Textbooks "Native word" and "Living word": a comparative review

Русинова Е.Е.

Канд. пед. наук, учитель высшей категории, МБОУ средняя общеобразовательная школа №99,
г. Воронеж
e-mail: e.rus@bk.ru

Rusinova E.E.

Candidate of Pedagogical Sciences, Teacher of the highest category, Secondary school No. 99,
Voronezh
e-mail: e.rus@bk.ru

Лазарев А.И.

Учредитель историко-филологического фонда им. А.А. Хованского
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.

Founder of the Historical and Philological Khovansky Foundation
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному обзору учебников «Родное слово» и «Живое слово», в которых реализуется фундаментальная для русской педагогики идея: преподавание отечественного языка должно занимать центральное место в воспитывающем обучении не только в начальных, но и в средних учебных заведениях. В статье рассматриваются как общие черты, так и различия методических разработок российских педагогов XIX в., декларирующих не только необходимость восприятия и понимания художественного, поэтического слова как живого, но и содержащих конкретные рекомендации, «как» обучать логическому и образному мышлению.+-

Ключевые слова: К.Д. Ушинский, А.А. Хованский, «Филологические записки», «Родное слово», «Живое слово», отечественная педагогика и дидактика.

Abstract

The article is devoted to a comparative review of the textbooks "Native Word" and "Living Word", which implement a fundamental idea for Russian pedagogy: the teaching of the native language should hold a central place in upbringing education not only in primary, but also in secondary educational institutions. The article discusses both common features and differences in the methodological developments of Russian teachers in the 19th century, declaring not only the necessity to perceive and understand the artistic, poetic word as a living one, but also containing specific recommendations on "how" to teach logical and figurative thinking.

Keywords: K.D. Ushinsky, A.A. Khovansky, "Philological Notes", "Native Word", "Living Word", domestic pedagogy and didactics.

*Если одного нет,
то и не мнится что-либо иное, ни как одно, ни как многое;
потому что без одного мнить многое невозможно.
Стало быть, если нет одного, – иное и не есть, и не мнится
– ни как одно, ни как многое.
Платон «Парменид»*

Идея сопоставительного анализа учебников «Родное слово» и «Живое слово» стала основным мотивом для организации конференции «Образование и воспитание человека через созидательную силу «живого слова»: в наследии российских педагогов XIX века», посвященной 200-летию со дня рождения К.Д. Ушинского и, по большому счёту, её главной практической задачей. Такой подход к празднованию юбилея может быть вполне оправдан, в первую очередь, тем, что журнал «Филологические записки» в своё время был единственным изданием, специально посвященным новейшему тогда направлению гуманитарного знания – сравнительно-историческому языковедению. Тому научному методу, на основании которого начала формироваться и отечественная педагогика, прежде всего в связи с основополагающим трудом Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» (1844), в известной мере повлиявшим на оба учебника. Изначально предполагалось, что результаты анализа позволят выявить дидактические и методические достоинства и недостатки учебников на фоне истории обучения родному языку в младшей и средней школе, поскольку без проведения сравнительного исследования получить внятные представления об этом не виделось возможным. Благо, что современные появлению учебника «Родное слово» публикации в журнале А.А. Хованского создают исчерпывающее представление об истории вопроса, особенно благодаря монографическому труду А.Н. Чудинова «О преподавании отечественного языка: очерк общей истории языкознания в связи с историей обучения родному языку» (1869). Актуальность поставленной задачи определяется тем фактом, что значительная часть журнальных публикаций, включая ряд учебников по объяснительному чтению и грамматике, в текущий момент едва ли не совершенно предана забвению и крайне редко используется в качестве источников. Поэтому, по замыслу организаторов, доклады и статьи юбилейной конференции должны были обратить исследовательское внимание на значимые вехи в становлении русской педагогической мысли и, благодаря сравнительному подходу, внести ясность в понимание этого процесса.

На фоне уже традиционно приписываемого К.Д. Ушинскому титула основоположника отечественной педагогики вообще и методики преподавания родного языка в частности вызывали некоторое недоумение многочисленные сетования авторов «Филологических записок» на отсутствие в 70–80-х годах XIX в. *хорошего* учебника по русскому языку в разного рода средних учебных заведениях (духовных, военных, женских и т.п.), особенно при том, что по рекомендации Учёного совета и специальному циркулярному предложению Министра народного просвещения, от 24 января 1876 г. за № 1044, журнал А.А. Хованского был отнесен к числу тех, каким «в видах учебных интересов» следовало оказывать содействие для их приобретения «в библиотеки всех вообще средних учебных заведений, не исключая и уездных училищ». Так что можно считать эту оценку современниками качества имевшихся к тому времени учебников по родному языку в средней школе общеизвестной и не вызывавшей серьезных возражений в педагогическом сообществе, тем более что среди сотрудников и подписчиков журнала были не только школьные учителя, но и академики Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, Я.К. Грот и др.; вышеупомянутый редактор изданий «Пантеон литературы» и «Семейная библиотека» А.Н. Чудинов, редактор журналов «Детское чтение» и «Педагогический сборник» А.Н. Острогорский; такие известные педагоги и методисты, как К.Г. Говоров, Н.Ф. Бунаков, В.П. Шереметевский, С.Н. Брайловский, В.Е. Романовский, А.П. Флёров, П.А. Адамов, В.Н. Куницкий и мн.др.

В Учёном комитете Министерства народного просвещения 80-е годы XIX в. отметились горячими дискуссиями о судьбе «Родного слова». Критики апеллировали к тому, что вместе с рядом несомненных достоинств, полезных для учеников, книга по содержанию и объёму

имела «весьма важные недостатки» и, в связи со смертью Ушинского, устранить эти недостатки не представлялось возможным. По их мнению, в некотором отношении «Родное слово» уступало ряду книг для первоначального чтения, вышедших позже, а потому подлежало исключению из числа одобренных Министерством для употребления в означенных училищах в качестве учебника. В докладе Особому отделу Учёного комитета А.И. Кочетов заявлял, что «Родное слово» попало в народную школу лишь «по недоразумению или по излишнему усердию почитателей Ушинского», тогда как сам автор предполагал использование учебника не столько в народной школе, которая к моменту первого выпуска почти ещё не существовала, сколько имел в виду начальное обучение чтению в семье, о чём можно сделать вывод уже из первых страниц учебника [15]. Апологеты «Родного слова», соглашаясь с тем, что большинство статей 1-го года «по содержанию довольно пусты и недостаточно серьезны для учеников народных школ», всё же аргументировали необходимость включения учебника в список рекомендованных книг его невиданной популярностью среди родителей, десятками переизданий и многомиллионными тиражами, а также тем, что «в методическом отношении книга представляет собой одно из *лучших* руководств по начальному обучению родному языку, знакомство с которым весьма полезно для учителей, особенно малоопытных в деле преподавания, и что народный характер книги представляет большое достоинство» [27]. Несмотря на апелляции сторонников учебника и наследников автора, решением Учёного комитета в 1885 г. «Родное слово» было изъято из списка книг, рекомендованных Министерством, хотя диспуты до его возвращения в школьный список длились ещё полтора десятилетия.

Дискуссии о достоинствах и недостатках «Родного слова» возникли на общем осознании факта отсутствия качественного учебника для преподавания родного языка в средней школе. На этом фоне Министерство народного просвещения решило осуществить в 1890 г. учебную реформу, содержащуюся в реализации новых учебных планов для преподавателей русской словесности с целью: «научить выражаться и писать на своем отечественном языке».

Тем временем, пока продолжались кулуарные теоретические прения чиновников в Особом отделе Учёного совета, в журнале Хованского шла усердная научно-практическая работа над созданием простой и эффективной методики для средней школы. Ещё в первом номере своего журнала Хованский обратился ко всему российскому педагогическому сообществу с призывом разработать совместными усилиями *хороший* учебник, полагая, что лишь в коллективном труде – *viribus unitis* – можно успешно решить задачу, поскольку это дело не под силу осуществить одному человеку, каким бы талантливым он ни был [40]. Так родилось целое научное течение, можно сказать – *невидимая академия*, поскольку в этом процессе приняли участие как простые учителя, так и ряд известных учёных.

Определенную роль в создании методики, помимо вышеупомянутого фундаментального труда Ф.И. Буслаева, сыграли «Педагогические беседы» И.И. Срезневского, оказавшие в своё время заметное влияние и на формирование научных взглядов К.Д. Ушинского, творчески развивавшего мысли академика «о сознательности, систематичности, активности, доступности обучения; о работе по лексике как основе изучения частей речи; о наблюдении с исследовательским уклоном» [19]. В дополнение к тому Буслаев, признанный современниками родоначальником *объяснительного чтения*, присылал воронежскому редактору и другие свои разработки, в частности «Общий план и программу обучения языкам и литературе в женских средне-учебных заведениях», составленный им в 1886 г. по просьбе Московского дворянства для Института благородных девиц и содержащий схожие принципы и положения с методикой «Живое слово». Как общее место в «Методике» с программой Буслаева Хованский отмечал, что главная задача оных состояла именно в том, чтобы «посредством живых рассказов и объяснений в виде беседований с детьми – во 1-х, заинтересовать молодых слушателей и избавить их от зубристики; и во 2-х, дать более широкое направление и образование, не только умственное, но и нравственное воспитание, тогда как школа более учит, а не воспитывает, а надо уравновесить и то, и другое» [38].

Известный вклад в развитие методики внес и В.П. Шереметевский, опубликовавший в «Филологических записках» свой труд «Начатки науки о родном языке» и представивший в статье «Слово в защиту живого слова в связи с вопросом об объяснительном чтении» свой взгляд на «всю систему объяснительного чтения с сопутствующими ему упражнениями» как на одну «школу живого слова», от которой, по его словам, веяло бы теплом жизни: «Объяснительное чтение, будет ли оно в классе с десятками учеников, или домашнее с одним, двумя должно более, чем всякое другое занятие по родному языку, иметь характер живой беседы, представляющей непрерывный обмен мыслей, так сказать, перекрестный огонь вопросов и ответов: вопросов не только со стороны учителя, но и учеников, ответов не только со стороны учеников, но и учителя. Роль учителя, конечно, будет преобладающею, но не должна быть подавляющею: здесь, как и на сцене, все дело в ансамбле. Между тем нередко даже у немногих хороших мастеров дела вследствие излишнего увлечения беседа из диалога незаметно для них самих превращается в монолог, подчас горячий, увлекательный, приковывающий внимание, но и подавляющий своим многословием и во всяком случае не ведущий к главной цели, которую никогда не должен забывать катихизатор, которую никогда не терял из виду праотец всех катихизаторов, оставивший в наследство новой школе свой *сократический* способ беседы. Сократ, этот «акушер мысли», как он сам себя называет, умел ставить так вопросы, чтоб они неизбежно вызывали у собеседника ответ за ответом, приводившие постепенно к решению поставленной в начале беседы задачи» [44]. При всей трудности подражания Сократу школьными учителями, Шереметевский считал необходимым «вырабатывать привычку к словесному воздержанию», при котором только и возможно более активное участие и мыслью и словом со стороны учащихся. Между тем автор замечал, что его статьи только наметили материал и упражнения для занятий в «школе живого слова», но для подробного изложения необходима была целая книга, специальное методическое руководство, над составлением которого в это время как раз и трудились А.В. Барсов с А.А. Хованским и другими педагогами на страницах «Филологических записок». Ведь неслучайно академик Буслев называл основателя журнала «не просто издателем чужих работ, но настоящим редактором, т.е. таким специалистом, который действительно редактировал то, что в своем журнале печатал, направляя своих сотрудников, исправляя и дополняя издаваемое им» [41]. А по свидетельству наставника Глуховской женской гимназии П.А. Адамова, «Филологические записки» в то время более всех других журналов дали «полезного и дельного для преподавателей русского языка и словесности материала» [1:4].

В обсуждении принципов формирования *хорошего* учебника для *идеального* урока, помимо рецензентов, приняли участие и многие практикующие учителя, отмечавшие, что «по своей разносторонности и жизненности методика настолько нова в применении, что родители и вообще интересующиеся делом преподавания удивлялись, что они в свое время не слыхивали подобных объяснений» [48], тогда как «Родное слово» к этому времени уже вышло множеством десятков тиражей.

Как видно из журнальных рекламаций по поводу отсутствия *хорошего* учебника для преподавания отечественного языка в гимназических классах, после ухода К.Д. Ушинского многие практические методические задачи не были решены. По словам А.А. Хованского, пользовавшегося в педагогическом и филологическом мире всеобщим авторитетом и признанием на академическом уровне и получившего за свой вклад в развитие народного образования два государственных ордена, «современное положение учебного дела по предмету русского языка никак нельзя было назвать удовлетворительным, поскольку оно уже давно нуждалось в лучшей постановке». Редактор прямо заявлял, что «при изобилии учебников или, вернее сказать, при излишестве, не доставало руководства, которое 1) более удовлетворяло бы педагогическим и филологическим требованиям науки о языке, 2) не обременяло бы учащихся, а заключало в себе легкий, простой и общедоступный способ передачи строя и форм языка в живых рассказах и объяснениях, велось бы в виде собеседования, 3) могло заинтересовать учащихся и возбуждало бы в них любовь к родному языку, 4) заключало бы в себе условия для развития и воспитания учащихся не только в отношении умственном, но и нравственно-религиозном и эстетическом»

[38]. Из чего явно следовало, что педагогическая практика того времени остро нуждалась в эффективных приёмах преподавания, способных «вносить жизнь в школу», и что эта проблема даже на фоне наследия Ушинского оставалась открытой, прежде всего потому, что «Родное слово» было предназначено только для начального обучения и совсем не касалось средней школы.

Чтобы разрешить противоречие между реальным положением дел в преподавании родного языка и результатами творческих достижений Ушинского, представляемыми его горячими поклонниками едва ли не как исчерпывающими для отечественной педагогики в целом, следовало выяснить методическое содержание учебника «Родное слово», определить его достоинства и недостатки в сравнении с методикой «Живое слово», выработанной путем накопления коллективного опыта на страницах «Филологических записок».

Для сравнительного обзора учебников особенно важен комплексный подход с целью анализа и выявления общих и различных значимых компонентов: дидактических и методических приёмов, форм организации обучения, ценности воспитания, основных этапов и уровней образования и т.п. Реализация данного подхода позволяет по тем или иным основаниям сравнивать между собой методические комплексы, а поскольку рассматриваемые учебник «Родное слово» и методика «Живое слово», хотя и имеют в виду различные возрастные категории, всё-таки принадлежат общей национальной системе образования и более того, одному предмету – родному языку, изначально были основания для обнаружения многих общих и характерных черт.

Сопоставление позволило выделить два основных блока – общие характеристики и некоторые особенности. Что касается общей части, здесь можно назвать следующее: обучающий, воспитывающий, развивающий и инновационный характер учебников.

Пожалуй, наиболее важной объединяющей эти труды идеей можно считать воспитывающую функцию обучения отечественному языку и литературе и, прежде всего, ориентацию воспитания на христианские принципы. Ушинский в своих представлениях о народности как об абстрактной идее и некоем воспитательном идеале, а также в связи с её ролью в общественном образовании, замечал, что настоящий культурный идеал дан русскому народу, как и другим европейским, благодаря христианскому учению: «Оно дает жизнь и указывает высшую цель всякому воспитанию, оно же и должно служить для воспитания каждого христианского народа источником света и всякой истины. Это неугасимый светоч, идущий вечно, как огненный столб в пустыне впереди человека и народов» [31]. В свою очередь, рассуждая о просвещающей и воспитывающей функции русской литературы Барсов писал: «Если наша школа должна быть христианской (а в этом, кажется, нельзя сомневаться), то все должно изображаться с точки зрения христианской нравственности» [6]. В «Живом слове» мораль и идея непременно согласуются с христианским принципом, что, по мнению педагогов, всегда и высшей степени было важно в воспитательном отношении и составляло одно из достоинств методики.

Важнейшим дидактическим принципом авторы и «Родного слова», и «Живого слова» выделяют формирование самостоятельности обучающихся: «Это вызвано и дидактическими соображениями. Отсутствие самостоятельности – важнейший недостаток школы; сказывается он не только в средней школе, но и в высшей – и там без зубрения учебника не обходится дело; в результате выходят «Гамлеты Щигровского уезда», <...> пред которыми жизнь молчит у них, как у Агарина, «что последняя книжка скажет, то сверху и ляжет». Но отсутствие самостоятельности в исследовании еще не столь важный недостаток, как отсутствие самостоятельности в деятельности, отсутствие воли, и этот последний есть неизбежное следствие первого» [7].

Анализируя положение дел в старой «схоластической» школе и размышляя над тем, как должно быть, К.Д. Ушинский писал: «Прежняя схоластическая школа взваливала весь труд учения на плечи детей, давая в руки учителя только ферулу для того, чтобы подгонять ленивых. Следовавшая затем школа ударились в другую крайность; она взваливала весь труд на учителя, заставляя его развивать детей так, чтобы для них это развитие не стоило никаких

усилий. Новая школа, напротив, разделяет и организует труд учителя и учеников; она требует, чтобы дети, по возможности, трудились самостоятельно, а учитель руководил этим самостоятельным трудом и давал для него материал» [34: 251-257].

В свою очередь и А.В. Барсов ратовал за активное участие школьников в учебном процессе, когда с первых дней дети становятся не пассивными слушателями, а при преподавании им сообщаются «истинные знания, на методической разработке которых развиваются душевные силы» и не только. Более важным в утверждении А.В. Барсова можно считать то, что «к этому прибавляется самостоятельный труд, т.е. учащиеся должны научиться делать ту работу, которую делает учитель – научиться анализировать произведения и делать выводы» [7].

Другим общим дидактическим принципом учебников можно назвать ориентацию на развитие такой способности обучающихся, как внимание. К.Д. Ушинский в руководстве к преподаванию «Родного слова» пишет: «В активном внимании не предмет уже владеет человеком, а человек – предметом. Чем больше у меня власти над самим собою и над моим вниманием, тем успешнее я достигаю цели, т.е. чем больше во мне силы воли, тем больше и активного внимания» [34:292]. На необходимость формирования активного внимания указывает и А.В. Барсов, называя его несколько иначе – «развитие всех душевных сил», – что, впрочем, не изменяет сути предмета, а только детализирует, выделяя *мышление, волю и чувство* [5].

В «Родном слове» К.Д. Ушинский обозначает основной принцип организации умственной деятельности – разнообразие форм работы – как одну из важнейших рекомендаций по созданию условий для эффективного обучения. В свою очередь А.В. Барсов пишет: «Главная задача методики – выработка разумного, более целесообразного и практичного способа преподавания родного языка. <...> Тот, кто вздумает следовать рабски данной «Методике», ошибется, обесцветит свое дело. <...> Самое ничтожное обстоятельство необходимо влияет на ведение урока при живом отношении к делу» [12]. Иными словами, в целом создатели призывают к использованию всего реестра возможностей и педагогических приёмов при реализации Методики, чтобы достичь ожидаемого результата.

При всей схожести целей в обучении отечественному языку – развитие дара слова и знание языка в обширном смысле – необходимо отметить специфичность учебников, прежде всего, в самом предмете: предмет «Родного слова» *отечественный язык*, тогда как на страницах «Филологических записок» строилась *Методика русского языка*, предметом которой стало *живое родное слово*, как в обучении по образцам литературных произведений, так и в методике образовательного процесса в целом. Размышляя в «Родном слове» о том, как следует организовать обучение, Ушинский рассматривал только начальное звено обучения чтению, тогда как Барсов стремился охватить всю образовательную траекторию, реализуя принцип преемственности и имея в виду полное становление личности обучающегося в его поступательном движении к самостоятельному, зрелому мышлению: к овладению родным русским языком. В статье «Новый взгляд на преподавание русского языка» Барсов впервые предложил создать на основании живого слова методику преподавания «русского языка» как *одного целого*, подходящую для обучения не только начальному чтению, но и грамматике, логике, сочинению, теории и истории словесности в курсах низших и высших классов [5]. В дальнейшем на страницах «Филологических записок» появилась идея применить технологическую составляющую методики и в обучении истории и географии [25].

Ключевое различие в методических приёмах сопоставляемых учебников обусловлено разницей в этапах обучения: «Родное слово» предназначено для начального обучения чтению детей младшего возраста скорее в семье, чем в школе, тогда как «Живое слово» – методика уже гимназическая. Это различие в целевых аудиториях определило и разницу методических приёмов, что, в первую очередь, касается эвристического подхода к преподаванию. Ни в «Родном слове», ни в комментариях к нему для учителей К.Д. Ушинский даже не упоминает об эвристике, вероятно, по умолчанию соглашаясь с пропозицией Ф.И. Буслаева, высказанной им об эвристической, или сократической, методе в книге «О преподавании отечественного языка» и заключающейся в дидактическом отношении в том, что при первоначальном преподавании

этот приём может вызвать затруднения у малых детей, не имеющих запаса наглядного знания и не умеющих выражаться определенно, поскольку им ещё «сложно своим собственным рассуждением дойти до факта, подлежащего только памяти» [11].

Примечательно, что в методическом наследии Ушинского упоминание об эвристическом приёме впервые обнаруживается только в теоретической части 3-го тома «Педагогической антропологии», систематизированного и опубликованного А.Н. Острогорским в 1908 г. (а детальнее уже в советское время). Из чего можно сделать вывод, что при жизни у выдающегося русского педагога не дошло дело до практической разработки этого приёма на уровне учебника и, по его личному признанию, идея написания книги для народной школы так и осталась любимой мечтой, которой не суждено было реализоваться [22]. Тогда как в связи с методикой, созданной на страницах «Филологических записок», речь шла именно об эвристике: «Форма в «Живом слове» эвристическая, все сообщается «путем наводящих вопросов; это – самая целесообразная форма, это – путь открытий» [4]. Из двух методических приёмов – *догматического*, или *акроаматического* (слушать), сообщающего ученику готовый материал для изучения, и *эвристического*, или *эроматического* (спрашивать), заставляющего ученика, при помощи учителя, производить материал новых представлений, понятий и мыслей [42], редактор и составитель методики явно отдавали предпочтение тому, который мог бы способствовать внесению большей живости в объяснительный процесс. В то же время А.В. Барсов специально замечал, что в подходе к делу преподавания не следует строго и исключительно держаться ни той, ни другой метóды, но нужно видоизменять их сообразно личностям учеников.

В первоначальном обучении К.Д. Ушинский настоятельно рекомендует использовать принцип наглядности, т.е. обращение к природному образному мышлению ребенка: «Что такое наглядное обучение? Да это такое ученье, которое строится не на отвлеченных представлениях и словах, а на конкретных образах, непосредственно воспринятых ребенком» [34: 265-269]. А.В. Барсов называет уже научные методы познания – анализ и синтез, индукцию и дедукцию, генезис и впервые вводит «сопоставление» – как необходимые для обучения понимания текста в целом; для развития логического мышления; для восприятия живого слова в произведениях писателя (поскольку в Методике дана установка на поисковый, эвристический характер умственной деятельности).

Рассматривая технологические основы обучения, необходимо обратить внимание на комплексный подход, применяемый в обоих учебниках. Но если в «Родном слове» он проявляется в триединстве *наглядного обучения, подготовительных упражнений в письме и фонетических упражнений*, то в «Живом слове» имеется в виду триединство *логики, грамматики и эстетического восприятия художественного слова*.

К общему списку основных видов деятельности, реализуемых с помощью учебников – *познавательной, ценностно-ориентировочной, коммуникативной (общение) и эстетической*, в методике живого слова добавляется и *преобразовательная – практическая и проектирующая*.

Следуя основному принципу педагогической этики – *не навреди*, К.Д. Ушинский в «Руководстве к преподаванию «Родного слова» пишет о своевременности в образовательном процессе: «Обучение следует начинать строго в соответствии с возрастными возможностями: не раньше, не позже. <...> Всякое органическое развитие совершается в определенный период времени и что наше дело – не ускорять и не замедлять этого развития, а только давать ему здоровую душевную пищу. <...> Не начинайте методического ученья, пока оно не делается для ребенка возможным» [34: 244-248]. Между тем составитель «Живого слова» А.В. Барсов предлагал использовать сочетание приёмов, или, как тогда говорили, «метóд», уже в младших классах гимназии, разделяя *эвристическую* форму для прохождения курса и *излагательную* – для повторения пройденного, и исходя из дидактических соображений, цель которых – развитие у учащихся способности к самостоятельности [5].

При том, что и К.Д. Ушинский в «Рекомендациях к преподаванию родного языка» предлагает использовать некоторые отдельные приёмы формирования умений и навыков в ходе обучения чтению, письму, заучиванию стихотворных текстов, методика «Живое слово» всё же представляется разработанной более конкретно, тщательно, так что, руководствуясь ею, можно

строить занятие. В этом отношении «Родное слово» имеет более общий характер. В рекомендациях к нему Ушинский дает конкретные примеры приёмов и упражнений, но это инструменты, выбирая которые, учитель может компоновать необходимые ему фрагменты, этапы урока – в зависимости от того, какую промежуточную или конечную цель на уроке он ставит. У Барсова же прослеживается сама структура занятия. Он *называет* этапы урока в их логическом исполнении, следуя которым учитель сумеет добиться главного: научить учащихся понимать живое слово писателя и, соответственно, при известном прилежании, научиться владеть языком в такой же художественно-живой манере. Иными словами, она, с одной стороны, вполне конкретна, с другой стороны, имеет универсальный характер, так как обладает таким качеством, как технологичность: в ней пошагово прописана технология освоения поэтического текста при сохранении главного принципа – бережного отношения к живому слову писателя.

Главным планируемым результатом наглядного обучения родному слову, не схоластического и бездумно заученного, а облеченного в форму живого разговора между учителем и учениками в классе, К.Д. Ушинский видит чтение и понимание текстов разного характера: деловых, нравоучительных, сентиментальных. Тогда как А.В. Барсов в своей Методике говорит о восприятии, чувствовании, понимании именно художественного, поэтического слова как живого и предлагают так его и преподавать, чтобы пробудить неослабевающий интерес к живому *авторскому* слову. Это означает, что создатели Методики вводят своих учеников в широкий культурологический контекст эпохи, позволяя овладевать им и пользоваться плодами своего просвещения, имея внутренние критерии понимания и оценки художественного слова, в частности, и художественного произведения – в целом, что, безусловно, является наиважнейшей целью изучения отечественного художественного наследия. При этом у учащихся, благодаря восприятию поэтических образов, формируется особое образное мышление – а это принципиально другой механизм интеллектуальной деятельности – более высокого порядка.

Хотя авторы и проповедают общие принципы развивающего обучения, объективно методика «Живое слово» отличается от «Руководства к преподаванию родного языка» ещё и тем, что Ушинский говорит о необходимости развития мышления и практических навыков для восприятия любого учебного и художественного текста, а Барсов и Хованский – о восприятии художественного текста во всей его полноте и целостности, а также о развитии эмоциональной сферы личности не только сообразно природе, но и посредством именно поэтических текстов, где обучающийся не только слышит живое слово, но и научается понимать авторскую позицию писателя, то есть поднимается на следующую ступень осознания поэтического слова, избранного автором для живого звучания его текста. Эта задача проникновения в самую ткань художественного произведения и его осмысленного восприятия несравненно более сложная, поскольку обучающийся вступает в диалог с авторским сознанием, вопрошая его и ища ответа на эти вопросы, и, следовательно, ведя кропотливый поиск истинного смысла прочитанного – в этом собственно и состоит преимущество эвристического приёма, который выгодно отличает методику «Живое слово».

На страницах «Филологических записок» известный российский методист А.П. Флёров замечал о «Родном слове», что теоретические взгляды Ушинского стали, «с одной стороны, плодом добросовестного изучения выдающихся трудов древнего и нового мира по философии, психологии, физиологии и собственно педагогике, а с другой – самостоятельных критических размышлений». По мнению Флёрова, издание книги для начального обучения представляло собой едва ли не самую трудную задачу всей дидактики, и эту задачу Ушинский выполнил с беспрецедентным успехом, создав лучшее из всего имеющегося на то время по начальному обучению грамоте: «Все позднейшие подражания, переделки и усовершенствования бледнеют перед нею, как копии перед оригиналом» [36]. Однако не менее важным достижением А.П. Флёров считал и создание учебника для средней школы, отмечая «трудности задачи составителя методики» тем, что тот во многом не имел предшественников и должен был пролагать совершенно новые пути: «В этом направлении по преподаванию русского языка

мало ещё сделано русскими педагогами. Теперь только появился труд, дающий преподавателю возможность поставить дело изучения языка, как живого слова, более согласно с его великим педагогическим значением» [37].

Оценки учебника «Живое слово» практикующими учителями и педагогами-методистами позволяют сформировать представление о его актуальности для своего времени. В тот период, когда Учёный комитет Министерства народного просвещения, признав книгу «Родное слово» мало пригодной для народной школы, исключил её из рекомендованного школьным библиотекам списка, Н.Ф. Бунаков назвал составленную А.В. Барсовым методу «смелым почином в деле преподавания родного языка, почином не только смелым, но и удачным», представляющим собой «столь же оригинальное, сколь и полезное явление в учебно-педагогической литературе» [10]. Рассматривая книгу А.В. Барсова на фоне других современных ему учебников, Н.С. Королев констатировал следующее: «Эта методика представляет собой особенную заслугу перед нашей средней школой. Если сравнить разборы г.г. Поливанова, Стоюнина, Козьмина и Куклина (позднейшего) с разбором г. Барсова, то всякому учителю станет ясною наибольшая пригодность для школы разборов последнего. При такой «Методике» даже малосведущий и ленивый учитель (а имя им легион в наших гимназиях) может кое-что полезное сообщить учащимся» [47]. Особенно педагоги отмечали – а) практическое объяснение грамматических правил; б) простое и понятное объяснение эпитетов, тропов и фигур; в) лёгкое и доступное детям объяснение малопонятных слов, или этимологию, и, прежде всего – воспитывающий характер обучения, при котором часто осуществляется практическое применение нравственных истин к жизни воспитанников, что делало эту методику особенно ценной: «В разбираемых литературных произведениях <...> Барсов всюду старался согласовать слово с делом, указывая практическое приложение идей. Вывод истины и применение ее к жизни воспитанников у него делаются часто, где только возможно. Мало того, мораль и идея у него согласуются с христианским принципом, что в высшей степени важно в воспитательном отношении». Методику называли особо полезной ещё и потому, что она ставила методические и дидактические вопросы перед учителями средней школы, большая часть которых совершенно «не знает и не хочет знать методики и дидактики» [47].

В другом отзыве В.Ф. Андреев, опираясь на высказывания А.В. Барсова о роли педагога: «Учитель, прежде всего, – воспитатель; в частности – учитель русского языка, читая с учениками литературные произведения, необходимо должен стараться об усвоении идей, проводимых в них», – подчеркивает и в этом отношении достоинства методики. Воспитать личность может только личность, поэтому «воспитательная роль в средних учебных заведениях в сильнейшей степени принадлежит учителю русского языка и литературы, заботы которого направляются к усвоению детьми отечественного слова, понимая последнее в широком смысле, т.е. слова не с внешней только стороны, но и с внутренней» [3].

А.П. Флёров добавляет к вышесказанному следующее: «Методика по справедливости заслуживает название «Живого слова» не только потому, что предметом изучения на уроках отечественного языка ставит живое слово, но еще и потому, что она вносит жизнь в преподавание родного языка, вызывая интерес к урокам и у преподавателя, и учеников: изучение по литературному произведению явления жизни, в нем воспроизведенного, душевного настроения поэта в пору создание произведения, оценка того и другого (явления и настроения) с нравственной стороны – это дело живое, душевное, затрагивающее многие стороны внутренней жизни человека, вызывающее к действительности различные умственные способности» [37].

Многочисленные отзывы педагогов дают основания сделать вывод, что поскольку «Живое слово» хронологически последует «Родному слову», в методическом отношении (именно в связи с эвристическим приёмом преподавания при объяснительном чтении, напрямую восходящим к *пролегоменам Буслаева* в его фундаментальном труде «О преподавании отечественного языка») оно представляет собой следующий этап в истории и практике отечественной педагогической мысли. Разумеется, составитель «Живого слова» обращался и к

учебникам Ушинского, имея в виду усовершенствование их примеров, поскольку речь шла не только о разных возрастных группах учащихся, но и относительно разных целевых установках: Хованский и Барсов акцентируют внимание не просто на родном слове, а именно на силе живого слова в обучении родному языку, и *живое родное слово* – у них и предмет изучения, и его цель. Для достижения этой цели создатели отдают приоритет художественным произведениям, преимущественно избирая статьи, захватывающие всё существо детей, т.е. воспитывающие гармонически ум, чувство и волю, избегая при этом односторонне *деловых, нравоучительных и сентиментальных* статей, более уместных на первой ступени обучения.

В сравнительном обзоре учебников нельзя обойти вниманием названий, а именно их литературоведческого и философского аспектов. И хотя эти вопросы выходят за рамки собственно педагогики, они также требуют специального рассмотрения в связи традицией, обозначенной в методике «Живое слово» – совмещать в объяснительном процессе сведения из родного языка и литературы с элементами других областей гуманитарного знания – логики, психологии и т.п. С точки зрения многоаспектной систематизации эпитетов, предложенной В.П. Москвиным, «родное» слово – это простой общеязыковой эпитет с прямым значением, а «живое» – простой этнокультурный изобразительный эпитет с переносным значением, или метафора. И эта метафоричность, примененная в номинации учебника, несомненно, дает ряд выразительных преимуществ перед простым общеязыковым эпитетом и раскрывает не только его нравственные ориентиры, но и методическое содержание (см. Приложение 2).

Ещё один критерий для сравнения учебников – международное признание. Ушинский в подготовке к написанию учебника несколько лет провел в Европе с педагогической миссией, где вдохновлялся немецкой педагогией и откуда многое перенес на русскую почву. Вероятно, отчего и не было особого резона переводить «Родное слово» на европейские языки, а вот методика «Живое слово» – по-настоящему доморощенная. Очевидно, именно поэтому известный шведский педагог Йохан Лунделл из Упсальского университета увидел в ней особый смысл и перевел на французский язык в конце XIX в. Этот факт являет собой поистине уникальный случай, и первое, что тут приходит на ум для сравнения, – грамматика М.В. Ломоносова, а также труды А.С. Макаренко, которого вместе с М. Монтессори, Г. Киршенштейнером и Д. Дьюи ЮНЕСКО причислило к четырем мировым учёным, определившим педагогику XX в. Вообще, в XIX в. «Филологические записки», на страницах которых состоялся учебник «Живое слово», выписывали не только в библиотеки русских уездных училищ, но и ведущих европейских и даже северо-американских университетов, например, Йельского и Гарвардского. В целом наследие К.Д. Ушинского заслужило международное признание и, в частности, стало одним из источников российской научной мысли в современной педагогике Китая, где в 2023 г. состоялся ряд научно-практических мероприятий, посвященных юбилею выдающегося русского педагога. К слову, в 2020 г., к 160-летию «Филологических записок», некоторые статьи об А.А. Хованском и его журнале были переведены и на китайский язык, благодаря стажировавшимся в Воронежском университете преподавателям русского языка из университета г. Санья (о. Хайнань).

Что касается актуальности учебников для своего времени, необходимо заметить, что «Родное слово» было опубликовано, когда в ходе реформ 1860-х годов только стали появляться народные школы, а методические разработки «Живого слово», в свою очередь, предвосхитили учебные планы Министерства народного просвещения в связи с учебной реформой 1890 г., выдвинувшей на первое место изучение языка литературных произведений. А поскольку методика была опубликована в хорошо зарекомендовавшем себя для Министерства издании, можно предполагать, что и она среди прочего послужила одним из источников идей той реформы. Эти факты представляют и Ушинского, и Хованского, и Барсова настоящими новаторами в ряду других выдающихся педагогов XIX в., определивших основное направление развития отечественной педагогической мысли того периода. При этом заявленные ими дидактические принципы не только не потеряли своей актуальности в наше время, но приобрели ещё большую значимость.

Таким образом, создавая свои методические труды, педагоги XIX в. исполняли присно актуальный общественный запрос на качественное образование и нравственное воспитание,

который не потерял своей злободневности и сейчас. «В языке одухотворяется весь народ и вся его родина, – писал К.Д. Ушинский. – Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое, живое целое» [33]. И раз так, то преподавать язык сухо, излишне академично, руководствуясь только прагматичными соображениями, т.е. без души, без огня не представляется возможным. Иными словами, и методика «Живое слово» для изучения родного языка «по литературным образцам», и «Родное слово» для обучения чтению детей младшего возраста отличаются концептуальностью, цельностью и особым восприятием языка именно как духовного наследия, возвращающего нас к национальным истокам. Несмотря на то, что учебники датированы XIX столетием, их содержание звучит удивительно современно и своевременно, потому что не просто вписывается в концепцию развивающего и воспитывающего обучения, но и стоит у её истоков. Важным достоинством методических разработок педагогов XIX в. является обращение к идее эвристического обучения, при котором познавательная, поисковая активность, умело организованная педагогом, становится залогом успешности в деле обучения русской словесности.

В педагогике, как и в искусстве, необходимо искать и находить не столько новое, сколько вечное, выдержавшее испытание временем и не потерявшее своей социальной значимости. Запрос на образование и воспитание специалистов, способных сохранять и ретранслировать национальные традиции, никогда не потеряет своей актуальности. При надлежащем применении и «Родное слово» К.Д. Ушинского и методика интеллектуального и нравственного развития «Живое слово» А.В. Барсова в редакции А.А. Хованского, которые во многом соответствуют требованиям современных образовательных стандартов, позволяют сохранять и передавать вечные нравственные ценности не только в начальной и средней, но и в высшей школе.

Литература

1. *Адамов П.А.* О методе преподавания русской словесности // Филологические записки, 1894. – Вып. 4. – С. 1-33.
2. *Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии – М., 2009. – С. 11.
3. *Андреев В.Ф.* Мнения преподавателей о методике русского языка Барсова: «Живое слово» для изучения родного языка // Филологические записки, 1893. – Вып. 5/6. – С. 1-5.
4. *Барсов А.В.* Два слова по поводу рецензии на Методику // Филологические записки, 1890. – Вып. 2. – С. 1-9.
5. *Барсов А.В.* Новый взгляд на преподавание русского языка // Филологические записки, 1888. – Вып. 1. – С. 1-21.
6. *Барсов А.В.* Значение произведений русской литературы с точки зрения библейской нравственности // Филологические записки, 1897. – Вып. 4. – С. 1-8.
7. *Барсов А.В.* О преподавании словесности в женских учебных заведениях // ФЗ. – 1908. – Вып. 3. – С. 1-24.
8. *Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Литературно-критические статьи. – М., 1986. – С. 26-90.
9. *Булгаков С.Н.* Философия имени. – СПб.: Наука, 2008. – 447 с.
10. *Бунаков Н.Ф.* Письмо в Редакцию / Мнения преподавателей о методике русского языка Барсова: «Живое слово» для изучения родного языка // Фил. записки, 1893. – Вып. 5/6. – С. 22-23.
11. *Буслаев Ф.И.* О преподавании отечественного языка. – М., 1867. – 472 с.
12. Живое слово для изучения родного языка. Методика русского языка в рассказах и объяснениях по литературным образцам: практический курс для 1-го класса / сост. А.В. Барсов; ред. А.А. Хованский. – Воронеж, 1889. – С.2.
13. *Жихарев С.П.* Записки современника (1806-1809) // Редакция, статья и комм. Б.М. Эйхенбаума. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 835 с.

14. *Королева А.М.* Поэтика заглавия: из истории почти 100-летних наблюдений // Язык, мышление, цифровизация: к 160-летию журнала «Филологические записки» : Сборник статей международной научно-практической конференции / отв. ред. А.И. Лазарев. – Воронеж, 2021. – С. 231-240.
15. *Кочетов А.И.* Доклады членов Ученого совета при Министерстве народного просвещения о книге К.Д. Ушинского «Родное слово» (11 января 1885 г.) / Доклады членов Ученого комитета при Министерстве народного просвещения о книге К.Д. Ушинского «Родное слово» // Собрание сочинений. – М., 1949. – Т. 6. – С. 394-403.
16. *Кржижановский С.Д.* Статьи. Заметки. Размышления о литературе и театре // Собрание сочинений в 5 т.– СПб.: «Симпозиум», 2006. – Т. 4. – 848 с.
17. *Кулиш П.А.* Черная рада: Хроника 1663 года. – СПб., 1857.
18. *Лазарев А.И.* Методика «Живое слово»: возрождение традиции // По следам живого слова. Научно-педагогическое наследие «Филологических записок» в современном контексте. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. – С. 140-156.
19. *Лебедев В.И.* Срезневский как методист // Русский язык в школе, 1972. – № 3. – С. 65-68.
20. *Лосев А.Ф.* Философия имени. – М.: Академический Проект, 2009. – 300 с.
21. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992–1993. – 479 с.
22. *Острогорский В.П., Семенов Д.Д.* Русские педагогические деятели. – М., 1887. – С. 57.
23. *Правдолюбов С.* «Живое слово» архиепископа Амвросия (Ключарёва) // Научный богословский портал, 2009 / <http://www.bogoslov.ru/text/520094.html> (Дата посещения: 25.06.23).
24. *Пушкин А.С.* Письма, 1815–1825 // Под редакцией и с примечаниями Б.Л. Модзалевского. – М., 1926. – Том I. – С. 34-35.
25. *Романовский В.Е.* Об отношении географии и истории к преподаванию словесности // Филологические записки, 1895. – Вып. 1. – С. 1-40.
26. *Ростошинский А.И.* Роль педагогического наследия в формировании инновационных технологий // Русский язык: система и функционирование (к 75-летию филологического факультета БГУ. Сборник материалов VI Международной научной конференции. – Минск, 2014. – С. 119-124.
27. *Сент-Илер К.К.* Докладная записка министру относительно запрещения 1-й части «Родного слова» Ушинского (июнь 1885 г.) / Доклады членов Ученого комитета при Министерстве народного просвещения о книге К.Д. Ушинского «Родное слово» // Собрание сочинений. – М., 1949. – Т. 6. – С. 405-409.
28. *Сковорода Г.* О промысле, особенном для человека / Начальная дверь к христианскому добронравью (1766-1780) // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. – М.: ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1952. – Том I.
29. *Тимофеев И.* Временник (1610-1613) // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. – СПб, 1891. – Т.13. – С 261-472.
30. *Ушинский К.Д.* О народности в общественном воспитании // Собрание сочинений. – М.,1948. – Т.2. – С.69-167.
31. *Ушинский К.Д.* О нравственном элементе в русском воспитании // Собрание сочинений. – М.,1948. – Т.2. – С.425-489.
32. *Ушинский К.Д.* Педагогическая поездка по Швейцарии (1862-1863) // Собр. соч. Т. 3. – М.-Л, 1948. – С. 87-253.
33. *Ушинский К.Д.* Родное слово // Журнал Министерства народного просвещения. Неофициальная часть. – СПб., 1861. – Ч. 109. – С. 87-116.
34. *Ушинский К.Д.* Организация первоначального обучения / Родное слово. Книга для учащихся // Собрание сочинений. – М., 1949. – Т. 6. – С. 251-257.
35. *Фридеман Ф.* Советы юношам, обучающимся в немецких гимназиях и университетах / Новые иностранные книги // Журнал Министерства народного просвещения, 1837. – Том. 15. – С. 621.
36. *Флёров А.П.* Ушинский К.Д. // Филологические записки, 1896. – Вып. 6. – С. 1-15.
37. *Флёров А.П.* Мнения преподавателей о методике русского языка Барсова: «Живое слово» для изучения родного языка // Филологические записки, 1893. – Вып. 5/6. – С. 23-26.

38. *Хованский А.А.* В чем нуждается наше учебное дело по преподаванию русского языка? // Филологические записки, 1889. – В. 6. – С. 1-6.
39. *Хованский А.А.* Живое слово и живые факты // Филологические записки. – Воронеж, 1899. – Вып. I – С. 8.
40. *Хованский А.А.* Что у нас сделано на пользу изучения русского языка и что делается? В чем нуждается наша учебная филологическая литература? // Филологические записки, 1860. – Вып. I. – С. 7-18.
41. *Хованский А.А.* Чествование пятидесятилетия служения академика и заслуженного профессора, почетного члена разных университетов и ученых обществ Федора Ивановича Буслаева // Филологические записки, 1888. – Вып. 6. – С. 1-26.
42. *Чудинов А.Н.* О преподавании отечественного языка: Очерк общей истории языкознания в связи с историей обучения родному языку // Филологические записки, 1870. – Вып. 5. – 260 с.
43. *Шереметевский В.П.* Начатки науки о родном языке : Опыт программы первой ступени обучения // Филологические записки, 1881. – Вып. 4/5. – С. 1-24.
44. *Шереметевский В.П.* Слово в защиту живого слова в связи с вопросом об объяснительном чтении. – М., 1886. – 115 с.
45. *Шпет Г.Г.* Философские этюды. – М., 1994. – 372 с.
46. *Шаталов В.Ф.* и др. Опорные конспекты по кинематике и динамике: Кн. для учителя: Из опыта работы / В.Ф. Шаталов, В.М. Шейман, А.М. Хаит. – М.: Просвещение, 1989. – 143 с.
47. *Королев Н.С.* Мнения преподавателей о методике русского языка Барсова: «Живое слово» для изучения родного языка // Филологические записки, 1893. – Вып. 5/6. – С. 11-20.
48.нъ. Заметка по поводу «Методики» А. Барсова для преподавания языка // Филологические записки, 1889. – Вып. 6. – С. 7-10.

Приложение 1. Сопоставительная таблица

Сведенные к простой схеме результаты сравнительного обзора можно представить, пользуясь понятийной базой педагогики сотрудничества, как «опорный конспект» [46], способный послужить эффективным дидактическим средством постижения и распространения знаний в целевых аудиториях. Таким образом, выятные представления о структуре общих и различных элементов, обозначенных в таблице, должны позитивно повлиять на качество усвоения материала как обучающейся молодежью, так и практикующими педагогами настолько, чтоб можно было бы каждого современного или грядущего педагога разбудить среди ночи и спросить: «Чем "Родное слово" отличается от "Живого слова"?», и чтоб каждый мог легко и быстро ответить на этот ключевой для отечественной методической мысли вопрос.

	РОДНОЕ СЛОВО	ЖИВОЕ СЛОВО
Назначение	Книга для первоначального обучения отечественному языку детей младшего возраста	Методика для изучения родного языка по литературным образцам в средней школе
Предмет	Родное слово (отечественный язык)	Живое родное слово (язык отечественной литературы)
Возрастная аудитория	6-10 лет	11-14 лет
Концепция		Объяснительное чтение в связи логикой, грамматикой, историей и теорией словесности
Основной методический прием (в терминологии XIX в.)	<i>Догматический</i> , или <i>акроаматический</i> (слушать)	<i>Эвристический</i> , или <i>эроматический</i> (спрашивать) в сочетании с догматическим
Основной дидактический принцип	От конкретного к отвлеченному, от представления к мысли (от наглядных образов, непосредственно воспринятых ребенком, к мышлению)	От индуктивного мышления к дедуктивному; проблемное изложение; впервые используется термин «сопоставление»
Технологическая основа обучения: комплексный подход	Триединство наглядного обучения, подготовительных упражнений в письме и звуковых упражнений	Триединство логики, грамматики и эстетического восприятия художественного слова
Основные виды деятельности	Познавательная, ценностно-ориентировочная, коммуникативная (общение), эстетическая	Познавательная, ценностно-ориентировочная, коммуникативная (общение), эстетическая; преобразовательная (практическая и проектирующая)

Организация учебной деятельности	Занимательное для детей обучение, но в то же время требующее точного исполнения и незанимательных для них задач	Аналитическая, сопоставительная, поисковая работа, гармонически захватывающая ум, чувство и волю учащихся
Актуальность	<i>В XIX в.:</i> Опубликован вместе с открытием народных школ в 1860-х гг.; <i>в XXI в.:</i> во многом соответствует современному ФГОС	<i>В XIX в.:</i> Предвосхитил учебные планы Миннапросвета в учебной реформе 1890 г.; <i>в XXI в.:</i> во многом соответствует современному ФГОС
Поэтика названия	Простой общеязыковой эпитет с прямым значением	Простой этнокультурный изобразительный эпитет с переносным значением, или метафора
Признание	<i>Общероссийский уровень:</i> сотни переизданий, многомиллионный тираж. <i>Международный:</i> переведен на китайский, где служит одним из источников российской научной мысли в современной педагогике	<i>Общероссийский уровень:</i> рекомендована Учёным советом Миннапросвета. <i>Международный:</i> переведена на французский, в старейшем университете Скандинавии, г. Уппсала; переводится на китайский в университете г. Санья
Авторство	Самостоятельная работа	Результат накопления коллективного опыта

Приложение 2. Сопоставление названий

Исследование взаимоотношений заглавия и текста имеет в отечественной традиции уже столетнюю историю наблюдений [14]. Вопросы взаимосвязи текста и его имени, построенной на принципе метафоры или метонимии, касался в своей статье «Семиотика культуры и понятие текста» Ю.М. Лотман, замечая при этом, что заглавие может быть реализовано с помощью слов первичного языка, переведенных в ранг метатекста, или с помощью слов метаязыка, в результате чего «между заглавием и обозначаемым им текстом возникают сложные смысловые токи, порождающие новое сообщение» [21: 129-132]. Специальное внимание на поэтику названия обращал С.Д. Кржижановский, полагавший, что заглавие ведет «за собой тысячи знаков текста» и «слова на обложке не могут не общаться со словами, спрятанными под обложку. Мало того: *заглавие* <...> вправе выдать себя за *главное* книги. [Оно] раскрывается в книгу: книга и есть – развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга» [20: 7]. В отечественной традиции поэтика названия имеет прямое отношение к философии имени, развивавшейся в трудах А.Ф. Лосева и С.Н. Булгакова. По мнению Лосева, «имя есть воплощение сущности называемого объекта, источник знаний о нем». Философ утверждал, что в имени содержится «все наше культурное богатство, накапливаемое в течении веков» и что «имя есть энергично выраженная умно-символическая и магическая стихия мира» [20: 97, 231]. В свою очередь Булгаков в своей «Философии имени» также отмечал, что «имя есть сила, корень индивидуального бытия, по отношению к которому носителем, землёю или почвой является именуемый, и для него именование имеет поэтому фатальный, определяющий характер» [9: 239-240].

На этом фоне интересной и показательной представляется история бытия в русской словесности эпитетов, взятых в название учебников, или, как говорил В.П. Шереметевский, – «биография слов» [43]. Само слово *родное* в русском языке принадлежит к числу культуuroобразующих и содержит один из основополагающих корней, определяющих *русскую народность* или *русский род*. Исследование современного состояния «Национального корпуса русского языка» показывает, что эпитет «родное слово» впервые обнаруживается в панхроническом конкордансе (списке всех употреблений заданного языкового выражения) у Н.В. Гоголя и М.А. Корфа в 30-х годах XIX века (именно в отношении русской речи), и уже позже у К.Д. Ушинского – во время поездки по Швейцарии и в связи с оценкой европейского опыта преподавания национальных языков: «Здесь очень хорошо понимают, что родное слово есть основа всякого умственного развития и сокровищница всех знаний: с него начинается всякое понимание, через него проходит и к нему возвращается» [32], а далее – уже как название учебника. В статье с одноименным заглавием, опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения», Ушинский уподобляет «Родное слово» сокровищнице, в которой одно поколение за другим складывает плоды глубоких сердечных движений, исторических событий, верований и воззрений, прожитого горя и прожитой радости, – «словом, весь плод своей духовной жизни». Автор называет «родное слово» – удивительным педагогом, который «не только учит многому, но учит и удивительно легко, по какому-то недосыгаемо облегчающему методу» [33].

Но если словосочетание «Родное слово», взятое К.Д. Ушинским в название учебника, явно апеллирует к идее народности в общественном образовании вообще и к её роли в методике обучения отечественному языку в частности, то метафора, предложенная А.А. Хованским для именованья методики уже в первом номере своего журнала (1860), открывает целый этнокультурный пласт, позволяющий рассматривать «живое слово» как антропологическую инициативу российского образования в целом.

Предположительно, метафора «живое слово» впервые появилась в русском литературном языке, основоположником которого принято символически величать А.С. Пушкина, ещё во времена молодости поэта, вместе с переводом «Апостола» с церковнославянского на русский язык, осуществленным Библейским обществом в первые десятилетия XIX в. А именно – в

Деяниях апостолов, где речь идет о Божьем слове, сказанном Моисею из Неопалимой купины на горе Синайской (Деян. 7:38), и далее – в Послании ап. Павла к Евреям (4:12).

В русской поэзии метафора «живое слово» впервые встречается в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Молитва» (1829). В более ранних произведениях других известных русских стихотворцев этот художественный эпитет обнаружить пока не удалось. Любопытно, что непосредственно в поэтическом творчестве А.С. Пушкина эта метафора в оригинальном виде не наблюдается (что, кстати, касается и педагогических произведений К.Д. Ушинского), а только однажды в письме к Вяземскому из Кишинева, где, впрочем, имеет своё контекстуальное значение: «здѣсь не слышу живаго слова Европейскаго» [24], вероятно, в отношении французского языка. Позднее к живой метафоре в стихотворении «Монастырь» обращается И.С. Никитин: «Святых молитв живое слово» (1849), вслед за тем Н.П. Огарёв воспекает эту метафору уже в самом заглавии: «Мой русский стих, живое слово» (1864).

Современные исследования в далеко ещё не полном «Национальном корпусе русского языка» показывают, что эта метафора уже в начале XVII века встречается в церковнославянском языке русского извода за пределами Священного писания. В частности, в одном из памятников древней русской письменности – «Временнике Ивана Тимофеева», описывающем события Смутного, но знакового для российской государственности периода, – кратковременного царствования Бориса Годунова перед восхождением на престол династии Романовых: «Владычествова же и царюя тогда во градѣ всѣми само живое Слово Божіе Премудрости, соблюдая и промышляя и содержа градъ» [29]. В другом источнике второй половины того же века эта метафора проявляется в подобном богословском контексте: «[Известно] изъ Апостола, что насъ родило не тѣло, а живое Слово Божіе, и вотъ мы теперь съ нимъ уже родные братья» [17].

В XVIII веке, в произведении Григория Сковороды «Начальная дверь к христианскому добронравию», а конкретно – в рассуждении «О промысле, особенном для человека», речь уже заходит о силе живого слова в христианском воспитании: «Важнѣйшее дело Божіе есть: одну безпутную душу оживотворить духомъ своихъ заповѣдей, нежели изъ небытія произвестъ новый земной шар, населенный беззаконниками. <...> Вѣчная сія премудрость Божія во всѣхъ вѣкахъ и народахъ неумолкну продолжаетъ рѣчь свою, и она не иное что есть, какъ повсемѣстнаго естества Божія невидимое лицо и живое слово, тайно ко всѣмъ намъ внутрь гремящее. Но не хотимъ слушать совѣтовъ ея, одни за лишеніемъ слуха, а самая большая часть – по несчастному упрямству, отъ худаго зависящему воспитанія» [28].

В источнике начала XIX в. это словосочетание имеет уже светское содержание и обращает внимание на магическую силу живой речи: «Умные красноречивые люди увлекательнее всякой книги: читая книгу, ты имеешь время поразмыслить и остеречься, а живое слово действует так внезапно, что не успеешь и опомниться, как ты уже в его власти» [13].

В методологическом плане эта метафора восходит к числу крылатых римских выражений *viva vox docet* (с лат. *живое слово учит*) или *viva vox alit plenius* (с лат. *живое слово питает обильнее*) из второго цикла писем Плиния Младшего, относимых исследователями к концу I – началу II века новой эры. Но на русский язык эти письма были переведены только в середине XIX в. Примерно в ту же пору методическое упоминание этой метафоры попадает в «Журнале Министерства народного просвещения»: «Живое слово Наставника, исходящее из глубины души его, нравственно настроенное, <...> есть лучший проводник к развитию ума и сердца юношей» [35].

По мнению архиепископа Амвросия, создавшего пособие по гомилетике с названием «Живое слово» (1884-85), предназначенное для развития риторических навыков у священников, адвокатов и всех тех, кто участвует в публичных выступлениях, во всей полноте и ясности понятие о живом слове могло сложиться только в христианском мире: «В буквальном смысле оно есть слово дающее, возбуждающее и направляющее жизнь» [23]. По существу, эта метафора акцентирует преемственность русской литературной традиции от церковно-славянской и служит своеобразным «маркером жанра», указывающим на особенный *духовный смысл* у внешне схожих в литургическом и народном языках понятий [26].

Большой вклад в изучение метафорического термина в XX в. внес Г.Г. Шпет [45], для которого любовь к живому слову стоила жизни. В 2009 г. систематизации тезисов Г.Г. Шпета в отношении этого тропа, а также другого известного филолога М.М. Бахтина [8], была посвящена монография известного белгородского учёного Н.Ф. Алефиренко, «"Живое" слово: Проблемы функциональной лексикологии», в которой автор замечает, что «столь непривычная для науки номинация возникла по аналогии с такими метафорическими терминами, как *живое знание* (пристрастное, заинтересованное), *живое действие* (немеханическое – одухотворенное)» [2]. Своим содержанием монография отвечает на вопрос: что такое «живое» слово; описывает методологические основы, принципы и теоретические предпосылки когнитивно-семиологического исследования, рассматривает «живое» слово как концепт, выясняет его этноязыковую природу и дискурсивную среду, определяет место «живого» слова в языковой картине мира [18]. В результате, в XX в. метафора «живое слово» обрела статус *этнокультурной константы языкового сознания*.

Исходя из вышесказанного, можно заметить, что метафора *живое слово* имеет этнокультурный характер, поскольку, с одной стороны, открывает содержание народной языческой мысли, проявляющейся в одушевлении всего сущего во Вселенной и свойственной не только славянам и другим индо-европейским этносам, но и человечеству в целом, а с другой – обращает сознание к Живому Слову, понимаемому в одной из православных литургических, алтарных и тайных молитв, как произносимый эвфемизм непроносимого Имени Божьего. Таким образом «Живое слово» в одной метафоре представляет разные стороны двоеверной сущности русской народности, описываемой Ушинским в статье «О нравственном элементе в русском воспитании», и служит номинальным выражением русского этнокультурного кода.

В итоге, на фоне сравнительного обзора *биографии эпитетов* прорисовываются контуры мысли, вкладываемой составителем и редактором в полное и говорящее само за себя название учебника с целью явного указания на его методическое содержание: «Живое слово для изучения родного языка. Методика русского языка в рассказах и объяснениях по литературным образцам в связи логикой, грамматикой и словесностью, для всестороннего развития и воспитания учащихся, согласно требованиям педагогических принципов».

Из вышесказанного можно заметить, что эпитет *родное слово* раскрывает веками накопленные богатства русской народной души, а метафора *живое слово* – её желанное христианское наполнение, представляющее собой, по общему и разделяемому авторами обоих учебников мнению, тот несравненный Идеал, к которому «должно стремиться развитие всякой народности и всякое истинное воспитание, идущее вместе с народностью» [31].